

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Окаянные дни. – М. : ЭКСМО Пресс, 1999. – 704 с.
2. Каргашин И. А. О «родовом статусе» лирической прозы Бориса Зайцева. Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева / И. А. Каргашин. – Вып. 3 : Третьи Международные Зайцевские чтения. – Калуга, 2001. – 328 с.
3. Панцерев К. Путевой очерк : эволюция и художественно-публицистические особенности жанра / К. Панцерев – СПб. : РГБ, 2004. – 207 с.
4. Сурков А. А. Краткая литературная энциклопедия / А. А. Сурков. – М., 1971. – Т. 6. – 1040 стб.

АННОТАЦИЯ

Жарикова О. В. О некоторых особенностях жанра путешествия в сборнике И. А. Бунина «Тень птицы».

В статье рассмотрена жанровая структура путевых очерков И. Бунина в сборнике «Тень птицы». Автор приходит к выводу, согласно которому наиболее значимой особенностью этих очерков является продуктивное сочетание лирического и эпического элементов в пределах повествования. Доминирование лирического начала объясняется намерением автора дать не голые географические описания, но исторические и философские обобщения.

Ключевые слова: жанр, путешествие, очерк, путевой очерк.

SUMMARY

Zharikova O. V. On some specific features of the travelogue genre in Ivan Bunin's collection of stories «The Shadow of the Bird»

The article considers the generic structure of Bunin's travel sketches in «The Shadow of the Bird». The author suggests that the most prominent feature of these sketches should consist in the productive amalgamation of the lyrical and the epic elements within the discourse. The domination of the lyrical elements is explained by the author's intention to provide not only bare geographical descriptions but also historical and philosophical generalizations.

Key words: genre, travel, sketch, travel sketch.

*М.Н. Ивахненко
(Горловка)*

УДК 821.161.1

**ОСОБЕННОСТИ МЕЖЖАНРОВОГО СИНТЕЗА
В РОМАНАХ В. АКСЁНОВА НАЧАЛА XXI ВЕКА
(«ВОЛЬТЕРЬЯНЦЫ И ВОЛЬТЕРЬЯНКИ»,
«МОСКВА КВА-КВА»)**

История русской литературы 2-й половины XX – начала XXI веков – явление довольно противоречивое. Равно как и творчество В. Аксёнова, которое всегда вызывало споры. Со времени первой публикации и вплоть до эмиграции в 1980 году в критике шла полемика вокруг новаторской прозы писателя и его своеобразной творческой манеры повествования. Творчество В. Аксёнова неоднократно освещалось в рецензиях, статьях, диссертациях. Значительное количество критической литературы посвящено различным аспектам творчества писателя, однако целостный взгляд на его творчество всё ещё не сложился. Это только первые подступы к характеристике многогранной и сложной художественной индивидуальности писателя, многие же аспекты его творчества ещё ждут исследования. В частности, последние романы В. Аксёнова не включены в целостный анализ развития его прозы. Необходимо обстоятельное исследование творчества писателя в контексте развития русской литературы второй половины XX – начала XXI веков, что и предопределяет актуальность нашего исследования.

Последние десятилетия XX века и начало нового, XXI ознаменовались появлением романов В. Аксёнова, в которых он обращается к проблеме «человек и история». Изменение социокультурной ситуации, оказавшей существенное влияние на литературу и обусловившей появление новых художественных средств и приёмов, не могло не найти своё отражение в творчестве писателя. В. Аксёнов был свидетелем важных исторических событий, кардинальных перемен в истории России, которые он стремился осмыслить в своём творчестве. Скажем, в романе «Остров Крым» представлена альтернативная история; в романе «Ожог» воспроизводится реальная история послевоенного советского государства, в которую вплетены судьбы обычных людей; в трилогии «Московская сага» рассматривается судьба трёх поколений одной семьи; роман «Кесарево свечение» содержит воспоминания писателя о покинутой родине; в романе «Москва Ква-Ква» описана жизнь сталинской Москвы; в «Редких землях» ощущается ностальгия автора по комсомолу; «Таинственная страсть» – автобиографический роман о «шестидесятниках»,

а «Ленд-лизовские. Lend-leasing» – воспоминания писателя о военном детстве. Многие значительные произведения В. Аксёнова были созданы в эмиграции, да и сам он называл их «бегством» в ту страну, откуда ему пришлось уехать. И, несмотря на банальную сентенцию о том, что история не признаёт сослагательного наклонения, писателю нравилось поразмышлять о том, «что было бы, если бы...». Однако В. Аксёнов давал своим романам совершенно чёткие определения. Скажем, «Вольтерьянцев и вольтерьянок» он назвал «старинным романом», а трилогию «Московская сага» – «опусом».

Неповторимая ирония автора, постоянное обращение к читателю, неоднозначный смысл его высказываний, оригинальность имён и названий – вот признаки того аксёновского романа, который стал результатом долгих творческих поисков автора. Пример тому – роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки» (2004), в котором автор не стремится к документализму в описании реальных или выдуманных событий; все они часто иронически окрашены. В то же время, в «Вольтерьянцах...» можно увидеть и параллели с тем, что происходит в современной жизни России. Писатель назвал «Вольтерьянцев...» романом о «человеке будущего», которым должен стать «бесполоый вольтерьянец». Авторской задумкой было «сочинить в английском жанре “true stories which never happened” – правдивые истории, которых не было...» [3, с. 124].

От других произведений В. Аксёнова «Вольтерьянцев...» отличает одновременно и постмодернистская стилизация, и хорошо выстроенный сюжет, созданный в лучших традициях приключенческого романа и характеризующийся острыми сюжетными ходами, напряжённым действием, обыгрыванием разнообразных загадок и тайн, вымысла и правды. Заметим, что для постмодернистского произведения тщательно выстроенный сюжет – явление нехарактерное, но для прозы В. Аксёнова – как раз наоборот. Писатель искусно выстраивает сюжетные ходы и линии всех своих произведений, и даже при всей присущей им многоплановости читателю легко разобраться в хитросплетениях сюжета. В романе «Вольтерьянцы и вольтерьянки» В. Аксёнов умело соединил приключенческий роман эпохи Просвещения с вымыслом, больше характерным для XX–XXI веков, чем для XVIII века, когда писатель может говорить и о реальных авантюрах, и, напротив, о невозможных. Приключенческая направленность всегда была соотносима с жанром путешествия, детектива, фантастики, фэнтези. Элементы фантастики и вымысла присутствуют и в этом романе. Скажем, Вольтер у В. Аксёнова

обладает способностью отождествляться с различными предметами, попадая в прошлое и предвидя будущее. Описав далёкий век, В. Аксёнов остался самим собой: в произведении всё соответствует стратегии авторского текста, его иронической направленности. Писатель сумел создать свой независимый художественный мир – «масочный», карнавальный, маскарадный, мир постоянных провокаций, которыми автор обескураживает читателя, сбивает его с толку, одновременно доставляя эстетическое удовольствие. В одном из интервью на вопрос о стиле «Вольтерьянцев...», В. Аксёнов признался, что его роман можно назвать «архаическим модерном или модернистской архаикой...» [2].

Языковая стилизация под старину, имитация характерных особенностей речевой манеры персонажей для того, чтобы передать общий стиль литературы XVIII века позволяет читателю погрузиться в атмосферу минувших веков. Аксёновская стилизация, неоднозначный смысл высказываний проникнуты той особой иронией, которая отличает все произведения автора. «Это была, собственно говоря, главная цель для меня. Если так можно сказать, организовать язык, сделав такую стилизацию под XVIII век, или использовать это более пластично, смешав с какими-то элементами современного тусовочного языка. Для этой книги мне нужно было сделать свой странный язык, и я старался попасть в яблочко...» [2]. Безусловно, язык романа придуман и использован достаточно уместно, собран сложнейший сюжет, палитра иронии и юмора и глубина исторической мысли отличаются системностью.

Кроме речевой стилизации, для «Вольтерьянцев...» характерна живость повествования, обилие комичных эпизодов, невероятных событий, увлекательных приключений, которые, однако, отражают реальность того далёкого времени. В романе автор переодевает своих героев (русских дворян – во французских шевалье, женщин – в мужчин и наоборот, даже коней называет на французский манер – Антр-Ну и Пуркуа-Па), чем создаёт атмосферу двусмысленности, иллюзию соединения полов, своеобразную игру-маскарад. В романе можно обнаружить и описание игры как таковой. Но главным элементом игры, по нашему мнению, является стиль и манера повествования, язык художественного слова. Это ведь тоже своего рода игра – «поймать интонацию, в которой можно было использовать архаику и в то же время наш день туда встроить» [3, с. 125]. Постмодернистская игра В. Аксёнова с жанрово-стилевыми стереотипами, «вечными образами» и с чужим языком вызвала к жизни приём сюжетно-образной и языковой перелицовки.

В романе «Вольтерьянцы и вольтерьянки» В. Аксёнов следует излюбленной традиции путешествия литературного героя, причём все основные события происходят либо во время путешествия, либо вызваны им. Автор соединяет жанр путешествия и авантурный сюжет, сочетая вымысел и правду в лучших традициях приключенческого романа. В то же время писатель использует опыт постмодернизма, постоянно играя с читателем, предлагая ему новые вариации знакомых будто бы сюжетов, героев, ситуаций.

В романе «Москва Ква-Ква» (2006) В. Аксёнов воссоздаёт недавнюю историю России. «Роман и задумывался как сцены из жизни Москвы 1950-х годов. Это уже, можно сказать, история нашей страны» [1, с. 1]. Писатель полагал, что актуальными являются не только социально-политические проблемы того времени, но и изображение обычных людей с их привычками, нравами, портретными характеристиками. Как говорил сам В. Аксёнов, он предполагал сочинить «сентиментальную историю, но она вдруг выросла в жуткую авантюру. Так что в этом сочинении <...> сосредоточие самых разных литературных элементов» [7, с. 13]. По мере написания сюжет обрёл способность к самодвижению: конца своего романа писатель сам ещё не видел, но по ходу написания в него «вдруг стала вплетаться авантюра» [1, с. 1].

«Москва Ква-Ква» – книга об ушедшей эпохе с её надеждами и страхами, богами и богинями, «...роман рассказывает о последнем годе сталинской власти, о вершине социалистической утопии. Можно сказать, что это книга об утопических мечтах советской интеллигенции, интеллигенции, обласканной сталинским режимом» [1, с. 1]. В начале XXI века завершился демонтаж советской идеологии, борьба с ограничениями свободы творчества кажется неактуальной, и социалистический реализм стал восприниматься как позавчерашний день литературы, как материал для стилизации. «В забаву превратился соцреализм, – замечает В. Ерофеев. – В сталинских небоскрёбах видится не столько ностальгия, сколько талант» [5, с. 140]. Для В. Аксёнова воссоздание жизни в сталинских высотках, конечно, не забава, хотя многое из той эпохи в его романе иронично окрашено. Вместе с тем отношение писателя к соцреалистическим дискурсам и мифологиям неоднозначно. М. Липовецкий сходные признаки «дискурсивной мутации» находит в романах А. Проханова и В. Аксёнова. «Как ни странно, следы близкого по внутренней логике эстетического сдвига заметны и в романе “Москва-Ква-Ква” <...> идейного антагониста Проханова – либерала и защитника свободы слова Василия Аксёнова» [6, с. 723–724].

М. Липовецкий полагает, что современный постмодернизм «позволяет не только вписать домодерные и советские мифологии в постсоветский культурный контекст, но и наоборот, вмести́ть постсоветский опыт в “разношенную” и уютную советскую “рамку”...» [6, с. 725]. Возможно, такие суждения излишне парадоксальны и категоричны, однако нельзя не признать, что В. Аксёнов в своём романе увлечённо обыгрывает советские легенды и мифы.

Роман В. Аксёнова «Москва Ква-Ква» вызвал неоднозначные отклики в критике. Полагают, что писатель в своей книге слишком уж ударился в «пелевинщину-сорокинщину». Действительно, в романе соседствуют описание последнего прижизни Сталина XIX съезда ВКП(б), миф о Тезее, идеологические споры об идеальном государстве, война и любовь, стихи и проза. Однако согласимся с С. Васильевой и В. Елистратовым, что это творение В. Аксёнова всё же «не столь витиевато барочно, празднично авантюрно и карнавальное», как, скажем, «Вольтерьянцы и вольтерьянки» [4, с. 225]. «Аксёновское повествование всплескивает и взмывает, с одной стороны, в план метаморфоз и поэтических метафор. А с другой стороны, оно упорно пробирается в область автологии (самословия), то есть реалистической прозрачности и правдивой простоты художественного выражения» [4, с. 226]. С. Васильева предполагает, что жанр романа близок к утопии, но всё же ею не является, и близок к «анти-антиутопии», т. е. жанру, который разрабатывался в западном кинематографе в 80–90-е годы. «Акцент при этом переносился с социального критицизма, отпавшего от идеала будущего общества, на некий космический мифологизм: в пространстве мифа, как известно, все крайности аннигилируются и, как в кокон, заключаются в великий “агон” жизнь – смерть» [4, с. 226]. Роль такого начала в романе выполняет миф о сюжете с Минотавром, Тезеем и Ариадной. По мнению В. Елистратова, В. Аксёнов соединил вечную мечту человечества со времен Платона об Идеальном Государстве и попытку осуществить эту мечту в 50-е годы в Советском Союзе. Писатель совместил, кажется, несовместимое – эротику, античную мифологию, рассуждения об идеальном государстве... Критик считает, что В. Аксёнов стал открывателем нового жанра в литературе: «лирико-иронический ретромификитч» [4, с. 227]. В. Елистратова поясняет: «“Москва Ква-Ква” – это и китч, и фарс, и оперетта, и балаган, и милый сердцу бахтинианцев карнавал, если угодно. Не очень смешной, иногда и совсем не смешной – зато там много “знаков смешного”. Все в этой китчево-карнавальная “Москве Кве-Кве” “безумно” удивляются, “вскрикивают”, находятся “в отпаде” и т. п., как

и положено в данном взвинченном “формате” <...> Несколько смягчает впечатление некое “ретро-лирическое” начало» [4, с. 227]. В. Аксёнову удалось объединить в своём романе два аспекта, ставших характерными для его романного творчества, – литературную игру и лирическую исповедь. Синтетическая природа его романов чрезвычайно ясно проявилась в «Вольтерьянцах и вольтерьянках» и в «Москве Кве-Кве», в которых осуществилось соединение авантюрной, социально-политической, любовной, мифологической, философской сюжетных линий и автобиографически-исповедального начала. Автор включает себя в повествование в качестве действующего персонажа, активно взаимодействующего с другими персонажами и при этом вспоминающего действительные события собственной жизни. Хотя В. Аксёнова нельзя причислить к постмодернистам, но игровая природа, прерывистость, иногда хаотичность, изменчивость его прозы вкупе со стихами собственного сочинения и цитируемыми автором отрывками напоминают постмодернистские тексты.

Следует отметить, что и на последнем этапе творчества писателя в его произведениях присутствует литературная игра, в ходе которой автор раскрывает перед читателем механизм творческого процесса, возникает своеобразный «стёб», разрушающий советский нарратив, который В. Аксёнов начал использовать ещё в «Заговаренной бочкотаре». Однако в последних романах такого рода практики начали автоматизироваться. Как отмечает М. Липовецкий, можно найти немало примеров того, «...как стёб превращается в своего рода рефлекс, затвердевает, больше не производя новых смыслов, не вызывая острашения, а представляя собой автоматизированный приём. Такая судьба постигла многих “поэтов-иронистов” и “куртуазных маньеристов” – как, впрочем, и маститого Василия Аксёнова...» [6, с. 502]. С этим мнением можно согласиться: такие аксёновские романы, как «Кесарево свечение», «Редкие земли», «Москва-Ква-Ква» и даже «Вольтерьянцы и вольтерьянки», трудны для чтения и адекватного восприятия. Вместе с тем в такого рода игре осуществляется авторская свобода от метанарратива в культуре, и в этом смысле она продуктивна.

Дистанцируясь от России, в течение многих лет писатель наблюдал за теми историческими, политическими и культурными изменениями, которые происходили в его родной стране. В некоторых его произведениях (например, «Остров Крым», «Вольтерьянцы и вольтерьянки», «Москва Ква-Ква») неизменным элементом сюжета становится корректировка хода истории её участниками. И сюжет романа строится так, что обдуманые поступки героев или какие-либо случайности

приводят к тому, что события, описанные в романе, отличаются от происшедшего в реальной истории. История размывается, и возникают её альтернативные варианты. Автор много домысливает в своих произведениях, что отнюдь не снижает художественной ценности его произведений. Вымысел является инструментом, который помогает писателю выявить скрытые закономерности исторического развития.

Большинство произведений В. Аксёнова характеризуются чёткой композиционной структурой, традиционным набором мотивов и образов, сюжетной динамичностью, но формирование художественной системы текста происходит под влиянием авторского начала. Позже эти приёмы подвергаются иронической деконструкции, что может характеризовать романы писателя как произведения с чётко выраженной постмодернистской эстетикой. Сам В. Аксёнов называет некоторые свои произведения постмодернистскими, но скорее писатель подразумевает сочетание разнородных элементов в одном тексте, то есть в какой-то степени происходит реализация такого принципа постмодернизма, как «многостильность». В произведениях писателя соединяются реалистический детерминизм с иррационализмом в поступках и характерах героев, социальность и метафизика, присущая человеческой натуре.

При всём тематическом многообразии романов писателя, созданных в начале XXI века, выделяется одна общая сюжетная проблема: попытка осмыслить те сложные социокультурные процессы, которые проходили в России. Писатель создаёт альтернативную историю страны, домысливая и фантазируя, опираясь на известные исторические факты, как, например, в романе «Вольтерьянцы и вольтерьянки». В. Аксёнов, не будучи по сути писателем-постмодернистом, в этом романе использует опыт постмодернизма. Роман «Москва Ква-Ква» также отличается жанрово-стилевой многослойностью; в нём сочетаются элементы приключенческого, любовного, семейного романов; он объединяет древнюю и новую мифологию, достоверные факты и фантастический вымысел. Романы писателя конца XX – начала XXI веков во многом условны, повествование в них часто хаотично и отрывисто, что свойственно поэтике постмодернизма. Кроме того, для поздней аксёновской прозы характерен жанрово-родовой синтез, когда в одном произведении соединяются не только стихи и проза, но и включаются элементы драмы («Кесарево свечение»).

Несмотря на то, что доминирующая в культуре начала XXI века массовая литература не предполагает жанровые эксперименты, писатель в своём творчестве стремился к инновациям. Одной

из основных особенностей стиля позднего В. Аксёнова является мультистилевая поэтика (сочетание элементов реалистического и постмодернистского письма). Таким способом создаётся фрагментарная, гротескно окрашенная картина мира его романов. Романное творчество В. Аксёнова начала века испытывало влияние постмодернизма и колебалось между мифом, пародией, документализмом и автобиографизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксёнов В. Странное ощущение Москвы : [беседу вела В. Чмутова] / В. Аксёнов // Литературная Россия. – 2006. – №11 (2247). – С. 1, 10.
2. Багдасарян М., Кибиров Т. Действующие лица (Василий Аксёнов, Евгений Евтушенко – Григорий Поженян, Юрий Козаков) [Электронный ресурс] / М. Багдасарян, Т. Кибиров // Радио «Культура». – 2010, апрель. – Режим доступа к журналу : <http://art-sluza.info/2010/04/28/>.
3. Барметова И. Облискурация Аксёнова / И. Барметова // Октябрь. – 2004. – №2. – С. 124–134.
4. Васильева С., Елистратов В. Василий Аксёнов. Москва-ква. Сцены 50-х годов / С. Васильева, В. Елистратов // Знамя. – 2006. – № 5. – С.221–227.
5. Ерофеев В. Как свежи были розы / В. Ерофеев // Ерофеев В. Мужчины. – М. : Зебра Е, 2005. – С. 133–139.
6. Липовецкий М. Паралогии: Трансформация (пост) модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов / М. Липовецкий. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – ххix+848 с., ил.
7. Шестаков В.П. Мифология XX века / В. П. Шестаков. – М. : Наука, 1988. – 389 с.

АННОТАЦИЯ

Ивахненко М.Н. Особенности межжанрового синтеза в романах В. Аксёнова начала XXI века («Вольтерьянцы и вольтерьянки», «Москва Ква-Ква»)

В статье рассматриваются романы В. Аксёнова «Вольтерьянцы и вольтерьянки» и «Москва Ква-Ква», написанные в первое десятилетие XXI века. Приводятся аргументированные доказательства того, что в прозе В. Аксёнова формировалась поэтика постреализма, синтезирующая эстетический опыт реализма, модернизма и постмодернизма.

Ключевые слова: ироническая направленность, соцреализм, вымысел, документализм, автобиографизм, мультистилевая поэтика

SUMMARY

Ivakhnenko M. N. The peculiarities of (inter)genre fusion in V. Aksenov's novels of the beginning of the XXI century («Voltairian Men and Women», «Moskwa Kwa-Kwa»)

The article discusses V. Aksenov's novels «Voltairian Men and Women» and «Moskwa Kwa-Kwa» written in the first decade of the XXI century. The substantial evidence is given to prove that in his prose V. Aksenov formed the poetics of postrealism that synthesized the aesthetic experience of realism, modernism and postmodernism.

Key words: ironic orientation, social realism, fiction, documentary character, autobiographic character, multi-style poetics.

*Н.В. Кораблева
(Горловка)*

УДК 821.161.1.09

АЛЛЮЗИИ И ЭФФЕКТЫ В ПОВЕСТИ А. БИТОВА «ФОТОГРАФИЯ ПУШКИНА»

«Фотография Пушкина» – небольшая повесть, которую А. Битов создает через 17,5 лет после «Пушкинского дома» и мыслит как нечто отдельное от основного здания, хоть и не обособленное, образующее с ним единый ансамбль: он пишет *продолжение*. Тема та же – Пушкин, не ставшая яснее за эти годы. Но на этот раз она радикально конкретнее: в художественном прицеле – *живой* Пушкин, а не Пушкин-памятник. Хотя и памятник тоже, но оживающий, по-пушкински, в слове. И авторская рефлексия здесь тоже конкретнее, отслеживающая и анализирующая свои усилия уловить, угадать, узнать ускользающий образ поэта.

Цель данной работы – прочитать повесть А. Битова в метапоэтическом ракурсе (как художественное исследование собственного писательского метода).

В «Пушкинском доме» нет Пушкина, его «курчавого постояльца», – он показан неявно, через историко-литературные и культурные аллюзии, через различные формы присутствия в современной жизни. Но авторский азарт этим не удовлетворился, и, приближаясь к 200-летию поэта, писатель задумывается о 300-летнем пушкинском юбилее, когда многое, что сейчас кажется немислимым и невозможным, может быть осуществимо. Например, *фотография Пушкина*.

В этой фантастической цели выразилась основная творческая интенция: попытка *объективного* образа, который бы производил впечатление документа, доказательства, достоверности. Имея более, чем у иных, оснований сказать о поэте «Мой Пушкин»,